

В. М. Зубарь

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРОЦЕССА ХРИСТИАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Исследование комплекса вопросов, связанных с обстоятельствами и временем проникновения христианства на территорию современной Украины на рубеже античности и средневековья, ведется довольно давно. Причем, исходя из имеющейся источниковой базы, эта проблема рассматривалась в основном на материалах крупных городских центров - таких, как Херсонес (Херсон) и Пантикапей (Боспор). Вопросы проникновения и утверждения христианства в среде населения Юго-Западной Таврики в печати специально не ставились, хотя попутно и затрагивались в целом ряде общих работ и статей¹. Объясняется это тем, что нарративные источники, в которых бы освещался процесс христианизации населения этого района, немногочисленны, отрывочны и, как правило, относятся к более позднему времени, а археологический материал не был опубликован в полной мере. Однако в 90-х гг. положение изменилось, благодаря активной работе Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины по руководством А. И. Айбабина. Результатом этого стало издание серии сборников, в которых были опубликованы не только материалы новых археологических открытий, но и проведена систематизация и классификация материалов из многочисленных могильников Крыма, исследованных ранее². Вследствие этого появилась возможность широко использовать археологический материал для исторических реконструкций, а также изучения различных аспектов истории и культуры населения Таврики в IV-VIII вв., в том числе и проблемы проникновения и распространения христианства. Поэтому в настоящей работе делается попытка на основе имеющихся сейчас материалов выявить основные тенденции, связанные с распространением христианства в Юго-Западном и Южном Крыму, что в дальнейшем позволит перейти к более детальному и углубленному изучению этого явления.

В связи с полным отсутствием письменных источников по вопросу о христианизации населения Таврики, памятники археологии приобретают решающее значение, так как объективно отражают те про-

цессы, которые имели место в обществе на том или ином этапе его развития. Задача состоит лишь в том, чтобы правильно их интерпретировать и использовать для исторических реконструкций. В данном случае, вероятно, в первую очередь следует обратить особое внимание на динамику развития конструкции погребальных сооружений и погребального обряда, в которых, пусть и с некоторым запозданием, находили отражения изменения в области идеологии. Важно и то, когда из могильников Крыма начинают исчезать посуда для еды и питья, которая клалась по языческому обычаю в могилу вместе с умершим, когда появляются вещи с изображением христианских символов, а на могилах начинают ставить христианские надгробия. Точная хронологическая атрибуция этих явлений, которая стала возможна на основе публикации материалов из крымских могильников IV-IX вв., как представляется, позволит если не более или менее точно определить время начала проникновения христианской идеологии, то рассмотреть процесс христианизации населения и связать его с исторической ситуацией в Таврике.

С другой стороны, не менее важно обратиться к имеющимся источникам относительно начального этапа христианского храмового строительства. Ведь появление специальных мест отправления культа предполагает наличие не только клира, но и определенного количества adeptов нового вероучения, а также свидетельствует о степени его распространения. Все это в комплексе даст возможность определить время начала процесса широкой христианизации и проследить его особенности в рассматриваемом районе³.

Как свидетельствует археологический материал, население Крыма в I-III вв. было гетерогенным, но в его составе постепенно увеличивался сарматский компонент, с проникновением которого в Крым в первую очередь следует связывать подбойные могилы и некоторые типы грунтовых склепов⁴. Судя по имеющимся материалам, в это время население, оставшееся могильники, было языческим, что отразилось в погребальном инвентаре, где (на-

ряду с предметами костюма) почти в каждом погребении присутствуют сосуды для еды и питья, а также наутраченная пища. Следовательно, родственники умерших клали вместе с телом все то необходимое, что, с их точки зрения, могло понадобиться в потустороннем мире, жизнь в котором мыслилась по образу и подобию земной⁵.

Во второй половине-конце III века в целом ряде могильников Юго-Западного и Южного Крыма появляются погребения, совершенные по обряду кремации. Такой способ захоронения был зафиксирован в могильниках округа Херсонеса, а также на Южном берегу Крыма, на мысе Ай-Тодор и на склоне г. Чатырдаг⁶. Обряд кремации в настоящее время достаточно уверенно связывается с пришедшими в Крым и осевшими здесь представителями германского союза племен, участвовавших в так называемых готских войнах⁷. Сейчас установлено, что обряд трупосожжения здесь просуществовал относительно недолго и исчезает, видимо, не позднее второй половины V в.⁸, что некоторые исследователи связывают с начавшимся процессом христианизации варварского населения Таврики при активном участии византийской администрации⁹. Однако с таким однозначным заключением согласиться трудно.

Дело в том, что во всех без исключения могильниках Юго-Западного Крыма в V в. отсутствуют какие-либо следы христианства, на что обратил внимание А. И. Айбабин¹⁰. Даже применительно к Херсону вплоть до конца V-VI вв. нельзя говорить о сколько-нибудь широком распространении новой религии¹¹. Да и в Византии до полной победы христианства было еще очень далеко¹². Поэтому нельзя признать методически оправданным объяснение исчезновения обряда кремации из могильников исключительно начавшимся процессом христианизации населения.

Видимо, в данном случае необходимо учитывать, что пришли этнические элементы, которые принесли нехарактерный для Юго-Западного Крыма более раннего времени обряд захоронений, влились в новую этническую среду. Об этом, в частности, свидетельствуют погребения, совершенные по обряду трупоположения, в могильниках у свхоза «Севастопольский», Чернореченском, Бельбек I и Скалистое III, где зафиксирована кремация середины III-IV вв. Причем, в количественном отношении здесь явно преобладало не германское, а местное и сармато-аланское население¹³. Поэтому сейчас, вероятно,

следует говорить не столько о переселении какой-то части готов-германцев вместе с гуннами на восточный берег Азовского моря, а об их ассимиляции с более многочисленным сармато-аланским населением, что в конечном итоге привело к определенным изменениям в обряде захоронения и появлению здесь так называемых алано-готов¹⁴.

Характерной чертой погребального обряда всех без исключения могильников III-IV вв., которые прекращают свое существование к середине V в., является разнообразный погребальный инвентарь. В могилах много посуды, которая представлена различными типами блюд, мисками, чашками, кубками, кувшинами, лепными сосудами, а также стеклянными сосудами¹⁵. В отличие от этого, в могильниках V-VII вв. ее количество заметно уменьшается, хотя разнообразие стеклянные и гончарные сосуды присутствуют в погребальных комплексах вплоть до второй половины VII в.¹⁶. Это неопровержимо свидетельствует о сохранении (по крайней мере, частью населения) традиций и верований более раннего времени. В этом отношении показателем могильник IV-IX вв., раскопанный у с. Скалистое. Здесь стеклянная и керамическая посуда присутствует в погребальных комплексах вплоть до IX в. При этом в погребальных комплексах неоднократно встречались стеклянные бокалы вместе с ойнохоями VII-IX вв., которые составляли единый сервиз для употребления вина¹⁷. В связи с этим А. К. Амброс отмечал, что изменения в составе погребального инвентаря (и в частности уменьшение его количества) связаны с процессом постепенной христианизации населения, но, как показывают многочисленные примеры, вещи из могил исчезают далеко не сразу даже после принятия новой религии¹⁸. Это можно рассматривать не только в качестве определенной живучести более ранней традиции, но и как черту погребального обряда, присущую населению именно этого времени. Но в своей массе погребения все же становятся беднее, что связано не столько с социальной дифференциацией, сколько с изменениями в области идеологии и распространением христианства¹⁹.

Вместе с этим, следует обратить внимание на то, что, по наблюдению А. И. Айбабина, только с первой половины VI в. в костюме начинают использоваться пряжки с христианской символикой, а с VII в. - перстни с греческими псевдомонogramмами, местными подражаниями византийским христианским образцам, нательные кресты и

амулеты²⁰. Причем пряжки, обнаруженные в могильниках Юго-Западной Таврики, характерны не только для Крыма, но и для многих районов Византии и ее пограничных территорий, заселенных федератами²¹. Это свидетельствует не только о распространении на огромных территориях определенной моды, но и о близости идеологических представлений, которые в то время получили значительное распространение на территории Византии. Со второй половины VII в. над погребениями начинают устанавливаться надгробия с крестами (могильники Суук-Су, Скалистое, Сахарная Головка, Чуфут-Кале)²², что является ярким свидетельством проникновения христианства в среду населения. Однако, несмотря на отмеченные изменения, конструкция погребальных сооружений и погребальный обряд пока изменились мало²³, но из погребений постепенно исчезает заупокойная пища, орудия труда, оружие, а бытовая посуда становится редкой²⁴. С распространением христианства, видимо, можно связывать увеличение количества умерших, похороненных головой к западу с отклонениями с севера и югу²⁵. Не отрицая этого в принципе, следует отметить, что, с одной стороны, вряд ли при погребении в земляных склепах, которые строились с учетом рельефа местности, можно было четко соблюсти предписанную христианским обрядом ориентировку тела, а, с другой - у христиан известна и восточная ориентировка²⁶.

Как свидетельствуют материалы изучения могильников Юго-Западного Крыма, кардинальные изменения в погребальном обряде происходят в VIII-IX вв. В это время исчезают подобные могилы и, хотя умерших, например, в Лучистинском могильнике до XII в., продолжают хоронить в грунтовых склепах, состав вещей, положенных вместе с покойником, меняется. Все чаще начинают встречаться нательные кресты различных типов, амулеты, византийские пряжки с крестовидными щитками, перстни с христианскими монограммами и христианские надгробия²⁷. Во второй половине VII в. появляются, а в VIII-IX вв. на территории Юго-Западного и Южного Крыма начинают широко использоваться плитовые могилы, которые, безусловно, связаны уже с христианским населением региона²⁸. В том, что это действительно так, убеждает почти повсеместное наличие плитовых и простых грунтовых могил с рубежа IX-X вв. в заведомо христианских могильниках, расположенных рядом с храмами²⁹.

Второй, наряду с могильниками, важной категорией археологических источников по рассматриваемому вопросу являются остатки христианских храмов. В настоящее время наиболее ранними являются базилики, открытые в Пантиккале (Боспоре)³⁰, Тиритакке³¹, на Мангупе, Эски-Кермен³², в Партените³³, на холме Тепсен, недалеко от Планерского³⁴, а также у подножия горы Пампук-Кая, в долине р. Бельбек³⁵. Если отнесение базилики в Тиритакке к VI в., а в Партените, на Тепсене и у горы Пампук-Кая - ко времени не ранее VIII в., сейчас ни у кого не вызывает сомнений, то вопрос даты строительства базилик на Мангупе и Эски-Кермен еще окончательно не решен. В свое время А.Л. Якобсон и следовавшие за ним исследователи считали, что эти христианские храмы были возведены не позднее VI в. с помощью византийской администрации³⁶. Однако после археологических исследований этих сооружений, проведенных в последние десятилетия, было сделано заключение о том, что эти базилики были возведены не ранее VIII-IX вв.³⁷. Строительство в Таврике храмовых построек типа базилик в столь позднее время хорошо согласуется с распространением аналогичных храмов в некоторых районах Малой Азии, на Кавказе и на Балканах в течении VI-XI вв.³⁸, что (наряду с археологическим материалом, полученным в процессе раскопок) позволяет относить и указанные крымские базилики к более позднему периоду, чем считал А.Л. Якобсон.

С этим достаточно хорошо аргументированным выводом нельзя не согласиться. Однако он не снимает вопроса относительно того, от каких построек тогда пошли мраморные капители коринфско-византийского ордера и фрагменты декора христианских храмов, обнаруженные на Мангупе, у подножия городища Чуфут-Кале, на Эски-Кермене, в Партените, у горы Пампук-Кая, а возможно и на Тепсене, которые вполне надежно датируются VI в.³⁹. Вряд ли во все указанные пункты эти архитектурные детали в более позднее время были привезены из Херсонеса. В пользу этого, в частности, свидетельствует блок из местного известняка из одной могилы, открытой при раскопках Мангупской базилики, с надписью, в которой упоминался Юстиниан I⁴⁰. Не исключено, что обнаруженный фрагмент мог быть частью ктиторской надписи, которая располагалась над входом в христианский храм, построенный именно в VI в.⁴¹ Примечательна и надпись отца Григория (VI в.), обнаруженная на Мангупе, в которой говорится о строительстве баптистерия⁴².

Следовательно, несмотря на то, что сохранившиеся на Мангупе и Эски-Кермен строительные остатки базилик, по мнению современных исследователей, относятся ко времени не ранее VIII в., можно предполагать, что уже в VI в. на указанных городищах были возведены недошедшие до нас христианские храмы. Вполне возможно, что в связи с бурными событиями крымской истории VII-VIII вв. они были разрушены, а уже на их месте - как это было, например с церковью Иоанна Предтечи в Керчи⁴³ - были возведены трехнефные базилики, характерные для византийской архитектуры более позднего времени, при строительстве которых могли использоваться и архитектурные детали более ранних культовых построек⁴⁴. Если это так, то можно предполагать, что после периода активного храмового строительства на территории Таврики в VI в., которое было связано с активизацией политики византийской администрации, вплоть до VIII в. здесь новые христианские храмы не возводились, а дошедшие до настоящего времени остатки базилик (кроме Пантикапейской и Тиритаской) относятся уже к новому этапу церковного строительства. В связи со сказанным интересно, что возведение христианских храмов именно в это время хронологически совпадает с отмеченными выше изменениями в погребальном обряде большинства крымских могильников и распространением в них плитовых могил, которые открыты рядом с базиликами на Мангупе, Эски-Кермен, Партенте, Пампук-Кая и Тепсене.

Хронологически появление и широкое распространение в могильниках Юго-Западного и Южного Крыма плитовых могил совпадает с начавшейся во второй половине VII века экспансией хазар в Приазовье и Северное Причерноморье. Под их давлением в конце VII века в степные районы Крыма переселяется часть приазовских болгар, а несколько позже, на рубеже VII-VIII вв., хазарское влияние распространяется и на часть Юго-Западного Крыма, о чем свидетельствуют источники, связанные с пребыванием императора Юстиниана II в Херсонесе и Готии⁴⁵. Вероятно, приток в Таврику пришлых кочевых элементов и принятие в середине VIII века верхушкой хазар иудаизма в качестве основной религии способствовали консолидации оседлого земледельческого населения региона, в чем немаловажную роль должна была сыграть христианская церковь⁴⁶. В том, что это было действительно так, убеждает повсеместное распространение с X

века оседлого населения Юго-Западного и Южного Крыма христианского обряда погребения⁴⁷.

Однако, делая такой вывод, следует подчеркнуть, что строительство христианских храмов и новый обряд погребения, отличавшийся по ряду существенных признаков от более раннего, не могли сразу изменить мировоззрение всей массы населения. Раскопки погребений в Мангупской базилике свидетельствуют, что некоторые черты даже заведомо христианских погребений отражают языческие представления о загробном мире⁴⁸. Это явление не было сугубо крымским, а было присуще подавляющему большинству народов средневековья⁴⁹.

Неудивительно поэтому, что монах Константинопольского монастыря Елифангий, автор жития св. Андрея, повторивший в конце VIII - начале IX вв. легендарный путь апостола в Крыму, называя жителей (видимо, Юго-Западной) Таврики «народом (племенем) херсаков», которые «стуги на веру» и «поддаются влечению всякого ветра»⁵⁰. А несколько позже, в середине IX в. - как свидетельствует житие Константина (Кирилла) Философа - выдающийся славянский просветитель боролся с проявлениями языческих верований в среде прихожан Фульской епархии⁵¹. Оправдываясь, жители этого города говорили, что обычай поклоняться и приносить жертвы «защитнику мужей» - огромному старому дубу, срощемуся с черешней, они переняли от предков. Но в то же время они считали себя христианами. Но Константин убедил их срубить дерево, используя для этого Евангелие Нового Завета, на котором они были крещены⁵². Все это, как нельзя лучше, согласуется с археологическими источниками, которые свидетельствуют о медленном и постепенном усвоении христианского вероучения населением Юго-Западной Таврики. Безусловно, новый значительный толчок этому дало образование в конце VIII - в начале IX в. специальной Готской епархии⁵³.

В свое время А. Л. Якобсон полагал, что в VIII-X вв. идет процесс формирования единой средневековой народности Крыма, которая включила в себя разнородные этнические элементы⁵⁴, что подтверждается и данными антропологии⁵⁵. Этот процесс завершился определенной византизацией или «роменизацией» местного населения вследствие укрепления связей с Византией, которая восстановила свою власть на территории Юго-Западного и Южного Крыма в X

веке⁵⁶, с чем, вероятно, связано появление не ранее X-XI вв. здесь первых пещерных церквей и монастырей⁵⁷.

Таким образом, можно констатировать, что окончательная победа христианства в Юго-Западном и Южном Крыму, с одной стороны, была связана с консолидацией оседлого населения перед лицом внешней опасности на основе ставших уже здесь традиционными христианских ценностей, а с другой - произошла благодаря активизации политики Византии (как это, впрочем, было уже в VI в., когда в погребениях нача-

ли появляться первые предметы с христианской символикой и, видимо, начали строиться первые христианские храмы в горной части Крыма). Иными словами, сейчас можно говорить о мощном культурном и духовном воздействии Византии на население Юго-Западного и Южного Крыма, усилившееся в периоды проведения активной внешней политики или ослабевшее, когда центральная власть не уделяла этим районам должного внимания, а была занята решением иных проблем, стоявших перед Византийской империей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Бертье-Делагард А. Л. История христианства в Таврике, христианские епархии, их приделы // ИТЯК. 1920. № 57. С. 35-134; Васильев А. А. Готы в Крыму. I // ИРАИМК. 1921. Т. I. С. 266-287; Якобсон А. Л. Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. VI. С. 205-225; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 28-29; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Л., 1964. С. 12; Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988. С. 36-59; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. I. С. 69; Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1995. IV. С. 38; Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 80; Мульд С. А. Могильники варварского населения Крыма I-V вв. // МАИЭТ. 1996. Т. V. С. 287.
- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. С. 5-86; Веймарн Е. В. Айбабин А. И. Скалистский могильник. К., 1993; Айбабин А. И. Могильники VIII - начала X вв. // МАИЭТ. 1993. III. С. 121-132; Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ. 1993. III. С. 206-211; Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. III. С. 211-222; Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. III. С. 23-105; Айбабин А. И. О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора (К публикации И. П. Засецкой) // МАИЭТ. 1993. III. С. 22-23; Амброз А. К. Указ. соч. С. 38; Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1995. IV. С. 89-142; Айбабин А. И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. 1996. V. С. 290-302; Мульд С. А. Указ. соч. С. 279-289 и др.
- С учетом специфики источников такой анализ был проведен по материалам, например, Херсонеса, Боспора и Истрии. См.: Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. К., 1991. С. 8-29; Pflinger R. Die Anfänge des Christentums auf der taurischen Chersones (Krim) demonstriert am Beispiel von Pantikapaon (Bospor / Kerç) // Fremde Zeiten. 1996. II. S. 309-317; Popescu E. Christianitas Daco-Romana. Bucuresti, 1994. p. 306-396.
- Айбабин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. К, 1988. С. 164-199; Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. К, 1988. С. 40-67; Пуздровский О. Е. Сарматы в Неаполи Скифском // Археология. 1989. № 3. С. 30-40; Зубарь В. М., Савелью О. Я. Сарматский могильник второй половины I - початку II ст. н. э. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 74-83; Пуздровский А. Е. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. 1995. IV. С. 397-405.
- Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднеантичного государства в Крыму // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. Труды ГИМ. 1982. № 54. С. 31-39; Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994. С. 138-146; Амброз А. К. Указ. соч. С. 42; Мульд С. А. Указ. соч. С. 279-289.
- Орлов К. К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. К, 1988. С. 106-133; Мыц В. Л. Могильник III-IV вв. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. К, 1988. С. 144-

- 164; Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки истории Крыма в позднеантичный период. Киев, 1990. С. 89-10; Зубар В. М., Козак Д. Н. Ред.: Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки истории Крыма в позднеантичный период. Киев, 1990 // Археология. 1992. № 1. С. 129.
- 7 См.: Пиоро И. С. Указ. соч. С. 89-109; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 65; Айбабин А. И. Население Крыма в середине III-IV вв. С. 295; Ср.: Амброз А. К. Указ. соч. С. 39-40.
8. Пиоро И. С. Указ. соч. С. 109; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 69; Амброз А. К. Указ. соч. С. 38.
9. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 69; Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. С. 38; Мульд С. А. Могильники варварского населения... С. 287.
10. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 69.
11. Мещеряков В. Ф. Проникновения христианства в Херсонес Таврийский // Вісник ХДУ. 1975. № 118. Історія. Вип. 9. С. 100-108; Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 121-144; Диатропов П. Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV-VI вв. // Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1986. С. 127-151; Диатропов П. Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье. Автореф... канд. ист. наук. М., 1988. 16 с.; Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические чтения в музеях. Л., 1988. С. 3-14; Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. С. 8-29.
12. Курбатов Г. Л. История Византии. М., 1984. С. 47.
13. Мульд С. А. Указ. соч. С. 287.
14. Пиоро И. С. Указ. соч. С. 109; Амброз А. К. Указ. соч. С. 67-69.
15. Мульд С. А. Указ. соч. С. 285.
16. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени. С. 13-18.
17. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 194.
18. Амброз А. К. Указ. соч. С. 44.
19. Там же. С. 58.
20. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. С. 29, 30, 31, 33, 34, 36-50, 69; Амброз А. К. Указ. соч. С. 60.
21. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени. С. 35; См.: Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 198; Амброз А. К. Указ. соч. С. 50.
22. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени. С. 69; Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 195; Амброз А. К. Указ. соч. С. 60.
23. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Указ. соч. С. 198.
24. Амброз А. К. Указ. соч. С. 60.
25. Там же. С. 42.
26. Там же. С. 67.
27. Айбабин А. М. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 130.
28. Айбабин А. И. Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Указ. соч. С. 215; Айбабин А. П. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 128-130.
29. Айбабин А. П. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 128, 130.
30. Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Т. VI. С. 355, 388-389.
31. Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Т. VI. С. 190-204.
32. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. С. 203-219; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 195; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 17.
33. Репников Н. И. Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32. С. 91-140; Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К., 1991. С. 64-68.
34. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тельсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 101-110.
35. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 50; Якобсон А. Л. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму // КСИА. 1964. Вып. 1964. С. 65-72; Якобсон А. Л. Раннесредневе-

- ковые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168. С. 121-132.
36. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. С. 203-219; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес С. 195; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. С. 17.
37. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика. С. 49-53; Бармина Н. И. Мангупская базилика ... С. 77, 80.
38. Бармина Н. И. Мангупская базилика ... С. 79; Бармина Н. И. Крымская базилика как культурно-исторический феномен // Византия: кумуляция и трансляция культур. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1997. С. 7. Ср.: Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 132.
39. Репников Н. И. Указ. соч. С. 137, рис. 46-48, 50; Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. С. 214-215, рис. 8; С. 218-219; Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 385, рис. 42, 6; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес С. 195; Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 121.
40. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 18-19; Васильев А. А. Готы в Крыму. II // ИГАИМК. 1927. Т. V. С. 181.
41. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 197.
42. Тиханова М. А. Указ. соч. № 34. С. 386; Яценко В. П. О «Корпусе Византийский надписей в СССР» // ВВ. 1987. Т. 48. С. 163.
43. Макарова Т. И. Указ. соч. С. 388.
44. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика. С. 49-50. Ср.: Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. С. 51.
45. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Указ. соч. С. 215-216.
46. В связи со сказанным интересно, что даже в ряде тюркских погребальных комплексов продолжают явными следы христианского влияния. См.: Майко В. В., Кузьминов А. В. Проблемы христианизации тюркоязычного населения Таврики в эпоху раннего средневековья // Проблемы греческой культуры. Тезисы докладов. Симферополь, 1997. С. 100-101.
47. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма. С. 216.
48. Бармина Н. И. Мангупская базилика ... С. 83.
49. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1974. С. 9.
50. Хожение апостола Андрея в стране мирмидония // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 268, а также с. 276. 72-76; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1985. Т. 48. С. 215.
51. О дискуссии относительно локализации Фула см.: Белый А. В. Вопрос о локализации Фула в связи с неясным свидетельством Менаандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 88-94.
52. Жизнь Константина Философа // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 85-86, 122-123; Ср.: Васильев А. А. Готы в Крыму. II // ИГАИМК. 1927. Т. V. С. 229; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 40.
53. Герцен А. Г., Могарычев Ю. М. О возникновении готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. II. С. 120.
54. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения... С. 194; Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // Античная древность и средние века. 1973. Вып. 10. С. 138.
55. Беневоленская Ю. Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // МИА. 1970. № 168. С. 196-207; Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. К., 1973. С. 248.
56. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Указ. соч. С. 216; Айбабин А. М. Могильники VII - начала X вв. в Крыму. С. 130.
57. Могарычев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. С. 97-98.